

**ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО
ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ ЗНАНИИ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ**

**Доктор исторических наук, профессор
С. И. КОВАЛЕВ**

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА

**СТЕНОГРАММА ПУБЛИЧНОЙ ЛЕКЦИИ,
*прочитанной в 1948 году в Ленинграде***

ЛЕНИНГРАД — 1948

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО
ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Доктор исторических наук, профессор
С. И. КОВАЛЕВ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА

СТЕНОГРАММА ПУБЛИЧНОЙ ЛЕКЦИИ,
прочитанной в 1948 году в Ленинграде

ЛИТЕРАТУРА

- К. Маркс.** — Коммунизм „Рейнского обозревателя“, К. Маркс и Ф. Энгельс. соч., т. V, с. 173—174.
- Ф. Энгельс.** — Анти-Дюринг. М., Госполитиздат, 1948, с. 33—136, 297—308.
- Ф. Энгельс.** — Бруно, Бауэр и раннее христианство. К. Маркс и Ф. Энгельс, соч., т. XV, с. 602—611.
- Ф. Энгельс.** — К истории раннего христианства. К. Маркс и Ф. Энгельс, соч., т. XVI, ч. II, с. 409—431.
- В. И. Ленин.** — Социализм и религия. Сочинения, изд. 4, т. 10, с. 65—69.
- В. И. Ленин.** — О значении воинствующего материализма, соч., т. XXVII, с. 180—190.
- И. В. Сталин.** — О Ленине. Госполитиздат, 1939.
- И. В. Сталин.** — Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом. М., Госполитиздат, 1938. 16 с.
- А. Б. Ранович.** — Античные критики христианства, ГАИЗ, 1935. 257 с.
- А. Б. Ранович.** — Первоначальное христианство и его историческая роль. „Вестник древней истории“, 1939, № 2, с. 31—43.
- А. Б. Ранович.** — Очерк истории ранне-христианской церкви, ГАИЗ, 1941. 230 с.
- И. Румянцев.** Жил ли Иисус Христос? М., ГАИЗ, 1938. 56 с.

*Составлен консультационно-библиографическим отделом
Государственной Публичной Библиотеки
им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.*

Редактор — кандидат исторических наук *М. И. Шахнович*

М-27962. Подписано к печати 28/XI-1948 г. Объем 1¹/₂ л. Тираж 17.500
Заказ № 1401.

Типография им. Володарского

Сейчас за рубежом католические «христианско-демократические» партии, находящиеся на службе империалистической реакции, особенно настойчиво распространяют всевозможные мифы и легенды о происхождении христианства, пытаются всячески извратить его историю. Делается это, конечно, с определенной целью. Пропаганда Ватикана пытается направить антифашистские настроения народных масс по удобному для империалистов руслу «христианско-демократических» партий.

Вот почему полезно всем, а не только интересующимся историей древнего мира, разобраться в той массе сложного, противоречивого и в значительной части фальсифицированного материала, на который стараются опереться ватиканские пропагандисты.

Вопрос о происхождении христианства — один из наиболее трудных в науке вопросов. Это, впрочем, относится и к двум другим историческим религиям — буддизму и исламу.¹

Известно, что религия всегда появляется как стихийное движение, корни которого глубоко скрыты в социально-экономических условиях общественной жизни и психологии определенной эпохи. Роль отдельной конкретной личности здесь очень невелика. Всякая развитая религия рождается в напряженной социальной атмосфере; это — атмосфера глубокого недовольства окружающим миром, сознания слабости человека и полной невозможности для него собственными силами изменить условия жизни. Это — атмосфера страстного ожидания, атмосфера чудес, знамений и легенд, горячая вера в сверхъестественную силу, которая одна только может помочь человеку...

¹ От больших исторических религий в этом отношении отличаются так называемые „секты“, являющиеся ответвлениями крупных религий. Где, когда и как они появились, можно установить более точно. Так, например, мы хорошо знаем, как в 1830 г. в США появилась секта мормонов.

В такой обстановке всякий конкретный факт мгновенно окутывается покровом мифа. Извлечь его из-под этого покрова крайне трудно, почти невозможно.

Задача историка затрудняется еще тем, что он, как правило, имеет дело с источниками более поздними, чем изучаемое им религиозное явление, источниками, которые фиксируют уже сложившуюся религию. Такие источники (евангелие, коран и пр.) излагают легендарно-мифологический материал уже в обработанном виде. Так как подобные источники составляют лица, заинтересованные в распространении новой религии, то они произвольно подбирают материал, выдумывают одни факты и скрывают другие. Все это делается для того, чтобы представить новую религию в наиболее благоприятном освещении и поразить воображение верующих.

Источники по истории раннего христианства как раз и страдают всеми этими недостатками. Официальные источники — это четыре «евангелия»¹ (Матфея, Марка, Луки и Иоанна): «Деяния апостолов», «Послания апостолов» и «Откровение святого Иоанна» («Апокалипсис»). Они начали составляться не раньше второй половины I в. н. э., следовательно, значительно позднее тех событий, о которых в них идет речь. К тому же евангелия неоднократно перерабатывались, и найти в них древнейшее ядро почти невозможно. Подлинные авторы этой христианской литературы неизвестны, так как четыре евангелиста подобно всем другим апостолам, повидимому, вымышленные лица. Впрочем, весьма затруднительно говорить здесь о каком-нибудь индивидуальном авторстве. Подобно тому, как мы не можем установить авторов «Илиады» и «Одиссеи», так не удастся установить и авторов раннехристианской религиозной литературы.

Если обратиться к содержанию хотя бы евангелий, то сразу же бросается в глаза их чисто мифологический характер. Главное содержание евангелий заключается в описании жизни, смерти и воскресения Иисуса из Назарета — типичный миф, похожий на аналогичные мифы восточных религий. Все в этой истории, начиная с чудесного рождения Иисуса от «духа святого» и кончая его воскресением и восшествием на небеса, является плодом религиозного творчества, служащего ни чем иным, как только фантастическим отражением действительности. Иисус превращает воду в вино, насыщает 5000 человек пятью хлебами и двумя рыбами, ходит по водам, исцеляет больных и воскрешает мертвых.

¹ Евангелие — «благая весть».

К тому же в трактовке отдельных событий между евангелиями существуют большие расхождения. Это исключает возможность, даже в евангельских рамках, дать свободную от противоречий историю возникновения христианства.

Те же самые черты, которыми отличается официальная («каноническая») христианская литература, мы находим в той литературе, которая не вошла в список признанных церковью книг. Такие произведения, как «Учение 12 апостолов» (Дидахе), «Пастырь» Ерма, апокрифические евангелия и др. дают нам некоторый материал для суждения об идеологии раннего христианства, о социальном составе христианских общин и пр. Однако это лишь в незначительной степени облегчает поиски конкретно-исторических путей возникновения новой религии.

Таким образом христианская религиозная литература в этом вопросе ни в какой мере не может считаться историческим источником. Отрывочные сведения о раннем христианстве мы находим у греко-римских писателей I—II вв. Тацита и Светония, у еврейского писателя I в. Иосифа Флавия и других, более поздних. Историческая критика уже давно поставила под вопрос подлинность всех этих сведений. Некоторые из этих свидетельств являются бесспорной подделкой христианских переписчиков. Сделано это было, видимо, для того, чтобы подкрепить новую религию авторитетом известных писателей не-христиан.

Таково, например, известное место из сочинения Иосифа Флавия «Иудейские древности». ¹ Говоря о римском прокураторе Пилате, Иосиф замечает: «В это время жил Иисус, мудрый муж, если только его можно назвать человеком. Ибо он творил чудеса и учил людей, которые радостно воспринимали возвещаемую им истину. Много иудеев и эллинов он привлек на свою сторону. Это был Христос» (XVIII, 3). Дальше Иосиф Флавий рассказывает о распятии и чудесном воскресении Иисуса.

Подобное утверждение уже давно было взято учеными под сильное подозрение. Дело в том, что оно слишком резко выпадает из контекста сочинения Флавия и совершенно не вяжется с тем представлением, которое у нас существует об этом писателе. Совершенно невероятно, чтобы националист Флавий мог говорить в таких выражениях о Христе. Как же этот отрывок мог попасть в «Иудейские древности»? Видимо,

¹ Общепринятое название. Точный перевод заглавия сочинения Иосифа Флавия — «Иудейская древняя история».

какой-нибудь христианский переписчик, переписывая это сочинение, был поражен тем, что в нем ничего не говорилось о Христе. Поэтому он решил «исправить» еврейского историка и приписал вышеприведенную фразу на полях рукописи, а при последующих переписках, как это часто бывало с античными рукописями, она вошла в текст.¹

Есть, правда, указание Светония, римского писателя II в., в биографии императора Клавдия (гл. XXX), где он говорит, что при императоре иудеи волновались по подстрекательству какого-то Хреста. Однако это ровно ничего не дает: там речь идет об иудеях и о Хресте, а не о Христе.

Наконец знаменитый римский писатель Тацит (I—II вв.), рассказывая в XV книге своей «Летописи» о пожаре, уничтожившем значительную часть Рима, говорит, что император Нерон приказал арестовать много людей по обвинению в поджоге города. В народе ходили упорные слухи, что Рим подожгли по приказанию самого императора. «Поэтому, — пишет Тацит, — чтобы уничтожить эти слухи, Нерон заменил истинных виновников пожара другими и применил самые изысканные наказания к ненавистным за их мерзости людям, которых народ называл христианами. Виновник этого, по имени Христос, был в правление Тиберия казнен прокуратором Понтием Пилатом, и подавленное на время пагубное суеверие вырвалось снова наружу и распространилось не только по Иудее, где это зло получило начало, но и по Риму, куда стекаются со всех сторон и где широко прилагаются к делу все гнусности и бесстыдства» (XV, 44).

Это место из произведения Тацита также внушает большие сомнения. Во-первых, весьма подозрительна та детальность, с которой историк говорит о возникновении какой-то восточной секты, внушавшей глубокое презрение римскому аристократу. Во-вторых, во времена пожара Рима (64 г.) христианство едва ли могло настолько резко обособиться от иудейства, чтобы выступать в качестве самостоятельного религиозного течения и получить широкую известность в Риме.

Повидимому, и эти места из книги Тацита являются такой же интерполяцией, как и вышеприведенный отрывок из сочинения Иосифа Флавия, но интерполяцией несколько более искусной.

¹ Христианский писатель Ориген, живший в конце II и в первой половине III вв., ничего не знает об этом месте из произведения Иосифа Флавия. Это доказывает, что интерполяция (вставка) была сделана не раньше второй половины III в.

Вот, собственно, все сколько-нибудь крупные свидетельства о раннем христианстве у нехристианских писателей.

Еще в конце XVIII в. английский историк Э. Гиббон в своей «Истории упадка и разрушения Римской империи» с иронией указал, что ни один из современников Христа (Иосиф Флавий, Тацит и Светоний жили позднее) не упоминает о нем, хотя он, повидимому, совершил так много замечательного. «Каким образом, — пишет Гиббон, — можем мы объяснить или извинить глубокое равнодушие язычников и философов ко всем тем свидетельствам, которые всемогущий дал не разуму их, а чувствам?»

В эпоху Христа, его апостолов и их первых последователей учение, которое они проповедывали, было поддержано бесчисленными чудесами. Хромые ходили, слепые прозревали, больные исцелялись, мертвые воскресали, бесы изгонялись и природа постоянно нарушала свои законы на благо церкви. И все же мудрецы Греции и Рима отворачивались от этого возвышенного зрелища и, предаваясь своим обычным занятиям, повидимому, совершенно не замечали всех этих перемен в нравственном и физическом миропорядке. Во время правления Тиберия вся земля или, по крайней мере, Палестина была покрыта в течение трех часов тьмой (в момент смерти Христа, — С. К.). Это случилось во времена Сенеки и Плиния Старшего... в сочинении которого есть целая глава о затмениях, но он ни одним словом не упоминает об этом столь продолжительном затмении.¹

Более или менее точные сведения о христианстве мы имеем только начиная с конца II в. Однако к этому периоду христианство почти совершенно сложилось. На самый же интересный вопрос — как оно возникло, — эти источники ответа нам не дают. Поэтому здесь мы можем высказать одни только предположения.

Вопрос этот осложняется еще тем, что происхождение христианства никогда не было чисто «академической» проблемой. Начиная с возникновения новой религии и вплоть до наших дней, вокруг нее кипела острая политическая борьба. На протяжении почти двух тысячелетий христианство использовалось как сильнейшее орудие классовой борьбы, в разные эпохи — разными классами и для различных целей.

Выдумка и искажение фактов, их тенденциозное освещение, фальсификация документов — таковы были приемы

¹ E. Gibbon. Histoire de la décadence et de la chute de L' Empire Romain, traduction française, I, 1837, стр. 309.

этой борьбы, употребляемые защитниками христианства. В дворянской и буржуазной литературе мы не найдем подлинно научного подхода к христианству. Историки церкви пытались решить вопрос с определенных профессиональных или узко-классовых позиций, что крайне затрудняло решение не только общих, но и частных проблем. Только марксизм впервые дал возможность строго-научного подхода к вопросу о христианстве. Но положение историка-марксиста затрудняется тем, что он вынужден работать на почве, чрезвычайно засоренной буржуазно-классовой историографией.

Легче всего выяснить вопрос о социально-политических и идеологических предпосылках христианства, которое зародилось в первой половине I в. н. э.

В римской державе, охватившей к этому времени весь район Средиземного моря с прилегающими к нему странами, сложилась следующая обстановка. В течение ста лет, с 30-х годов II в. до 30-х годов I в. до н. э., Италия и провинции были охвачены мощным революционным движением (гражданские войны конца республики). Это движение было направлено против всей системы социально-политических отношений, сложившихся во II в. Речь идет о восстаниях рабов против господ (два восстания в Сицилии, восстание Аристоника в Малой Азии, восстание Спартака), движении крестьян за землю (так называемая «реформа Гракхов» и другие движения), восстаниях италиков и провинциалов за гражданские права (так называемая «союзническая война», восстание Митридата). Но все эти революционные движения не могли перерасти в революцию. Во II—I вв. до н. э. римское рабовладельческое общество находилось в высшей точке своего расцвета и обладало сильным государственным аппаратом. Рабы же отличались низким уровнем классового сознания, низкой степенью организованности и не имели ясной программы. Точно так же слаба была и римская демократия: она страдала от внутренних противоречий и была ослаблена большим количеством деклассированных городских элементов, не имевших определенной политической программы и легко доступных подкупу. К этому нужно добавить, что движения рабов, с одной стороны, и сельской и городской бедноты, — с другой, как правило, протекали изолированно друг от друга: между рабом и свободным бедняком в этот период был еще некоторый антагонизм, исчезнувший только в самом конце римской истории.

Поэтому революционные движения II—I вв. до н. э. были подавлены и своим конечным результатом имели только пере-

ход к новой политической системе, к системе империи. Это была военная диктатура, направленная против революционного движения рабов и свободной бедноты.

Конец I в. до н. э. и первая половина I в. н. э., естественно, были эпохой глубокой реакции. Правление императора Августа (30 г. до н. э. — 14 г. н. э.) характерно попыткой реставрации старых общественных форм, старых обычаев, старых «добрых» нравов. При его преемниках (императорах Тиберии, Калигуле, Клавдии и Нероне — 14—68 гг.) реакция принимает более жесткие формы. Наступает период террористического режима. Императоры подавляют остатки республиканской оппозиции беспощадными методами открытого насилия: казнями, изгнаниями, конфискацией имущества.

После разгрома революции низшие слои римского общества были охвачены глубоким отчаянием и апатией. Это обстоятельство объяснялось прежде всего тем, что у них отсутствовало ясное классовое сознание и поэтому не было никаких сколько-либо ясных перспектив, никаких надежд на будущее. Рабы, разорявшееся крестьянство, полунищая городская масса оказались неспособными сломить страшный гнет рабовладельческого Рима.

Такое состояние общественной депрессии, упадка, безнадежности, характерное для эпохи реакции I века империи, было весьма благоприятно для развития религиозных настроений. Эти настроения в первую голову должны были охватить именно общественные низы. «Где же был выход, — спрашивает Энгельс, — где было спасение для поработанных, угнетенных и обнищавших — выход, общий для всех этих различных групп людей с чуждыми или даже противоположными друг другу интересами? И все же найти такой выход было необходимо, чтобы одно великое революционное движение охватило их всех. Такой выход нашелся. Но не в этом мире. При тогдашнем положении вещей выход мог быть лишь в области религии».¹

Христианство первоначально возникло как своеобразное движение масс, пытавшихся найти в религии спасение от окружающей действительности. Конечно, спасение было иллюзорным. Религия не спасла человека, она только играла роль наркотика, притупляющего боль. Низшие слои римского общества, задавленные нуждой, стоявшие на крайне низком уровне классового сознания, потерявшие надежду когда-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. К истории раннего христианства. Соч., т. XVI, ч. 2, стр. 423.

нибудь добиться улучшения своей участи, искали в религии призрачного утешения.

Почему же, спрашивается, нужна была новая религия? Разве старые культы греко-римского мира не годились для этой цели?

Этот вопрос подводит нас к идеологическим корням христианства. Старая римская религия возникла тогда, когда Рим еще был маленьким городом-государством. Население его занималось, главным образом, сельским хозяйством. Религиозные потребности этого населения хорошо удовлетворялись поклонением родовым и семейным богам, а также мелким божествам природы. Позднее римская религия подверглась сильному греческому влиянию. Местные италийские божества — Юпитер, Юнона, Минерва, Диана, Марс — были сопоставлены с греческими богами и приобрели их черты. Однако даже такая эллинизированная религия оставалась наивным политеизмом, соответствующим примитивным общественным отношениям ранней республики.

После того как под власть Рима перешел весь культурный мир Средиземноморья, после того как Италия испытала глубокие изменения в хозяйственной и социальной жизни, — старая религия перестала удовлетворять возросшим религиозным потребностям. Что могли дать пестрому, многоязычному населению, все более и более нуждавшемуся в религиозном утешении, старые официальные боги Рима? Тогда среди широких масс начинают распространяться различные восточные верования. На Востоке, — в Египте, Вавилонии, Сирии, а также в Греции — издавна существовали мистические, тайные культы. В Египте это были мистерии Озириса и Изиды, в Малой Азии и Сирии — Аттиса и Кибелы, в Вавилонии — Таммуза и Иштари, в Греции — Диониса. Они были связаны с верой в божество, которое умирает и затем воскресает.

Являясь первоначально формой земледельческой религии, культы умирающего и воскресающего божества в дальнейшем, под влиянием роста социальных противоречий, углубляются. Боги земледельческих культов приобретают образы богов-избавителей, которые своей смертью искупают грехи человека, а своим воскресением дают ему надежду на бессмертие.

Обрядовая сторона этих культов находилась в полном соответствии с их мистическим содержанием. Культы носили тайный характер и были доступны только «посвященным». Богослужение было театрализовано с целью сильнее повлиять на воображение верующих. Огромную роль в нем играли

музыка, чередование освещения и темноты и пр. Участники мистерий доводили себя до экстаза, до состояния иступления различными способами — постом, головокружительной пляской, музыкой. Тогда им казалось, что они теряют себя, свою личность и сливаются с божеством.

По сравнению с сухой, прозаической римской религией эти восточные культы обладали огромной притягательной силой. Они в изобилии давали тот религиозный дурман, в котором так нуждался дряхлеющий греко-римский мир.

Сходный круг идей и представлений лежал в основе так называемого мессианизма.¹ Мессианизм — это религиозное течение, особенно сильно выступавшее в иудейской религии и в иранском культе бога солнца Митры. Оно исходило из признания греховности мира, слабости человеческой природы и невозможности для человека спастись собственными силами. Отсюда — вера в «мессию», который мыслится как посланник божества, как его воплощение, как сын божий. Евреи верили в то, что настанет день, когда на земле явится «помазанник божий» и спасет свой народ от римского рабства. Поклонники Митры, особенно те из них, которые принадлежали к низшим слоям населения, ждали, когда придет Митра и очистит греховный мир огнем, после чего на земле наступит царство равенства и справедливости.

Из всех восточных культов митраизм оказал, быть может, самое сильное влияние на христианство. Культ Митры был занесен прежде всего в римскую армию, которая в III в. находилась в непрерывном соприкосновении с персами. Из армии же он быстро распространился по всей империи. Относительно демократический характер митраизма, сильные элементы мессианизма, которые в нем были, театральная пышность мистерий Митры — все это чрезвычайно импонировало религиозному сознанию широких слоев римского общества и создало широкую популярность митраизму. По выражению одного историка церкви, в начале IV века было еще неизвестно, кто победит: Христос или Митра.

Победил Христос, потому что христианство сумело полнее вобрать в себя различные элементы античного мировоззрения, потому что оно было синкретичнее, универсальнее и больше годилось для римской империи, населенной различными народами, чем митраизм, в котором были слишком сильны национально-персидские элементы. Но христианство

¹ „Мессия“ по-древнееврейски значит „помазанник“, то же понятие по-гречески передавалось словом „христос“.

могло победить лишь той ценой, что оно заимствовало из митраизма много догматов, символов и обрядов. Учение о «непорочном зачатии» Иисуса, знак креста, обряды крещения, день рождения Иисуса (25 декабря — *dies natalis Solis invicti* — день рождения непобедимого Солнца) и пр. — таково наследие митраизма в христианстве.

В восточных религиях была еще одна черта, которая привлекала к ним население западной половины империи. Это была вера в единого бога — монотеизм. Зародыш единобожия мы находим во многих восточных верованиях: в древневавилонской и древнеегипетской религиях, в иудаизме, в культе Митры. Монотеизм вырос на различной почве. Иногда, как, например, в Египте и Вавилонии, он отражал политическую централизацию древневосточной монархии. Для иудеев вера в единого бога Ягве являлась своеобразным орудием сохранения своего племенного единства в борьбе с окружающими их народами. Митра, наконец, служил для персов боевым знаменем их наступления на Переднюю Азию.

Население западной половины империи уже давно не верило в своих старых мелких божков. Они перестали удовлетворять и возросшей религиозной потребности и изменившимся политическим отношениям. Если политеизм еще подходил к условиям старой римской республики, то он совершенно не годился для монархии. Единственному императору на земле должен был соответствовать единый бог на небе. Римская религия пыталась выйти из положения путем развития в сторону монотеизма некоторых культов: Юпитера, Ромы, т. е. богини города Рима, гения (духа) императора. Но эти попытки не привели к серьезным результатам. Все эти культуры носили слишком официальный характер и ничего не давали массе. Какое дело до гения императора было задавленному нуждой ремесленнику или рабу-варвару? Монотеизм восточных религий гораздо больше говорил сердцу рядового римлянина I в. н. э., тем более, что этот монотеизм был связан с верой в мессию, с надеждой на искупление, с мистическими культурами.

На выработку христианского монотеизма большое влияние оказало учение еврейского религиозного философа I в. н. э. Филона Александрийского. Он довел идею единого бога до ее философской формы, освободив от всех политеистических элементов. В учении Филсона иудейский монотеизм сочетается с идеализмом Платона и с идеалистической философией стоицизма. В частности, у него большое значение имеет понятие Логоса (разум, слово), как идеального проявления абсо-

лютного божества, посредника между ним и миром. Это понятие играет огромную роль в христианской догматике. Логос понимается в ней как сын божий, как богочеловек, приобретающий черты мессии.

Стоицизм оказал влияние на христианство тремя моментами: своим учением о божественном разуме, управляющем миром, концепцией нравственного долга, выполнение которого обязательно для человека, и учением о равенстве всех людей.

В процессе формирования христианства оно испытало также сильное влияние гностицизма.¹ Это было синкретическое религиозно-философское течение, сформировавшееся ко II в. н. э. из самых разнообразных элементов античной религии и философии. Оно отражало, повидимому, идеологию торговых городских слоев.

Сущность учения гностиков сводилась к тому, что человек путем мистического познания, гносиса, подготовленного умерщвлением плоти, чистотой, воздержанием может постичь божественную сущность мира. Материальный мир греховен и представляет результат отпадения от бога. Конечной целью мирового процесса является слияние мира с богом. Это выполнит Логос, которого христианские гностики отождествляли с Христом. На этой схеме гностицизм строил сложную и фантастическую систему, где элементы античной идеалистической философии сливались с учениями различных восточных религий.

Христианство во II в. принуждено было выдержать с гностицизмом ожесточенную борьбу, так как он проник внутрь христианской церкви, где и развивался в качестве одной из первых ересей. Но, разгромив гностицизм, христианство должно было принять много гностических элементов в свою догматику и культ.

Религиозные настроения низов римского общества начала нашей эры ярко выступают в своеобразных произведениях, известных под названием «сивиллиных пророчеств». Их приписывали древней пророчице Сивилле из г. Кум в Италии. В действительности это произведения безымянного народного творчества. Тем более они для нас ценны как показатель общественных настроений. Для сивиллиных пророчеств характерны мессианские чаяния, пронизанные социальными моментами. Они рисуют грозную картину страшного суда. Сын божий явится во всей своей славе и учинит суд над живыми и

¹ От греческого слова „гносис“ — знание.

мертвыми. Все общественные отношения будут перевернуты: господа превратятся в рабов, а рабы станут господами. Пророчества переполнены нападками на Рим, на имущественное неравенство, на богачей.

Весь этот круг идей, которые уже в середине I в. н. э. получили широкое распространение среди населения империи, сводился к нескольким основным моментам: бог един; мир погряз во зле и может спастись только божественной помощью; бог, воплотившийся в человека, своею смертью искупает грехи человечества; в день последнего суда добро возторжествует в преображенном мире, а зло будет наказано; все люди равны и должны любить друг друга...

Органическое единство этих представлений и составило идеологическое содержание христианства. Это последнее, как самостоятельное течение, повидимому, оформляется к середине I в. н. э. Оно постепенно отделяется от других восточных культов и приобретает собственные организационные формы. Произошло это раньше всего в городах восточной половины империи, в Палестине, Сирии, Египте, Малой Азии, откуда новая религия быстро перекинулась на Запад.

Самый ранний памятник христианской литературы — «Апокалипсис Иоанна» — адресован семи малоазийским христианским общинам. Связь раннего христианства с иудейством заставляет предположить, что новая религия впервые начала оформляться среди еврейских общин крупных городов Востока. Перенесение места возникновения христианства в Палестину (в частности, в отсталую Галилею) является результатом позднейших конструкций.

Однако, возникнув в иудейской среде, христианство быстро впитывает в себя наиболее общие религиозные представления эпохи, разрывает с иудейством и становится совершенно новой религией, носящей универсальный характер.

Процесс отделения христианства от иудейства¹ можно проследить даже по раннехристианским источникам. В «Деяниях апостолов» (гл. 15) рассказывается о дискуссии, которая имела место в раннехристианских общинах по вопросу о том, нужно ли подвергать обрезанию не-иудеев, переходящих в христианство, и вообще должны ли они соблюдать закон Моисеев. Дискуссия закончилась тем, что обрезание и соблюдение закона были признаны для христиан необязательными.

¹ Христианская традиция большую роль здесь приписывает апостолу Павлу (Савлу), «второму основателю христианства», как любят его называть буржуазные историки церкви. Впрочем, личность Павла тоже, повидимому, неисторична.

Причиной быстрого распространения христианства являлось не только то, что оно сумело удачно объединить все основные религиозные идеи своей эпохи и придать им наиболее общий характер, свободный от всех местных особенностей. Успехи новой религии не в меньшей степени были вызваны ее организационными формами. Христиане в каждом городе составляли общину верующих. Это было не только объединение единоверцев, но и своеобразный союз взаимопомощи и благотворительности. Так как большинство членов общины первоначально принадлежало к неимущим и малоимущим слоям городского населения, то этот момент играл огромную роль. В каждой общине существовала касса, из средств которой раздавались пособия и устраивались общие трапезы. Эта касса пополнялась за счет взносов.

Идеология, господствовавшая в ранних христианских общинах, была идеологией социальных низов, напоминающей настроения «свиллиных пророчеств»: уравнилельные стремления, нападки на богатых, восхваление бедности, ненависть к всеобщему угнетателю — Риму.

Эти антисобственнические и антигосударственные мотивы можно прощупать даже в официальной (канонической) христианской литературе, несмотря на энергичную обработку, которой она подвергалась в последующие времена, когда из нее старались вытравить всякий «мятежный» дух.

В нагорной проповеди Иисуса, как она изложена в евангелии Луки (гл. VI), мы читаем: ¹ «Блаженны нищие, ибо ваше есть царство божие. Блаженны алчущие ныне, ибо насытитесь. Блаженны плачущие ныне, ибо воссмеетесь. . . Напротив горе вам, богатые! ибо вы уже получили свое утешение. Горе вам, пресыщенные ныне! ибо взалчете. Горе вам, смеющиеся ныне! ибо восплачете и возрыдаете». ²

В послании апостола Иакова (гл. V) этот антисобственнический мотив выражен еще резче: «Послушайте вы, богатые: плачьте и рыдайте о бедствиях ваших, находящихся на вас. Богатство ваше сгнило, и одежды ваши изъедены молью. Золото ваше и серебро изоржавело, и ржавчина их будет свидетельством против вас и съест плоть вашу, как огонь: вы собрали себе сокровище на последние дни. Вот, плата, удерж-

¹ Я даю точный перевод с греческого оригинала. Русский синодальный перевод (изд. 12, 1916 г.) неверен.

² В более позднем евангелии Матфея (гл. V) это место уже подверглось обработке: „Блаженны нищие ду х о м, ибо их есть царство небесное. . . Блаженны алчущие и жаждущие п р а в д ы, ибо они насытятся. . .“

жанная вами у работников, пожавших поля ваши, вопиет, и вопли жнецов дошли до слуха господина Саваофа».

Знаменитая притча о Лазаре (Лука, XVI) ярко отражает идеологию бедноты: «Некоторый человек был богат, одевался в порфиру и виссон и каждый день пиршествовал блистательно. Был также некоторый нищий, именем Лазарь, который лежал у ворот его в струпьях и желал напитаться крошками, падающими со стола богача, и псы приходя лизали струпья его. Умер нищий и отнесен был ангелами на лоно Авраамово; умер и богач, и похоронили его; и в аде, будучи в муках, он поднял глаза свои, увидел вдали Авраама и Лазаря на лоне его, и возопив сказал: отче Аврааме! умилосердись надо мною и пошли Лазаря, чтобы омочил конец перста своего в воде и прохладил язык мой, ибо я мучусь в пламени сем. Но Авраам сказал: чадо! вспомни, что ты получил уже доброе твое в жизни твоей, а Лазарь злое, ныне же он здесь утешается, а ты страдаешь».

Однако характерно, что в этой притче противоречие между богатыми и бедными разрешается не в земной жизни, а в загробной. Сглаживание классовых противоречий типично для христианства, как и для всякой другой религии.

Впрочем, в силу характера источников, мы плохо знаем христианство I века. Сквозь массу мифологического и легендарного материала можно лишь с трудом прощупать его общие черты.

Иначе в этом отношении обстоит дело с христианством II—III вв. Его мы знаем лучше, так как в нашем распоряжении находятся более достоверные источники. Разбирая их, мы видим, что в христианских общинах второй половины II в. уже преобладает среднее городское население: купцы, ремесленники, землевладельцы и другие имущие элементы. Приток этих слоев в христианские общины объясняется двумя причинами. Во-первых, кризис идеологии охватывал все более широкие круги римского общества. Рост скептицизма и неверия сопровождался усилением религиозных настроений, увлечением магией, восточными культами, мистикой и пр. Во-вторых, принадлежность к христианам во II в. была даже выгодна с экономической точки зрения. Общины были разбросаны во всех крупных городах империи и поддерживали друг с другом тесную связь. Это создавало большие удобства для торговцев и ремесленников, что особенно сказалось во второй половине II в., когда кризис всего более ударил именно по этим слоям.

Изменение социального состава общин во II в. отразилось

на их идеологии и организации. Приток имущих элементов постепенно оттеснял на задний план бедного. С настроениями сивиллиных пророчеств начинают бороться. В христианской литературе II в., правда, еще встречаются выпады против богатых и государства, но они все более и более заглушаются другими тенденциями. На смену формулам раннего христианства — «легче верблюду¹ пройти сквозь игольные уши, чем богатому войти в царство божие», «нет ни эллина, ни иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, скифа, раба, свободного, но все и во всех Христос» — появляются совершенно иные: «вы же, рабы, со всяким страхом повинуйтесь господам, не только добрым и кротким, но и суровым», «воздайте цезарево цезарю, а божие — богу», и т. д.

Меняется и организация христианских общин. Она начинает приобретать более прочный характер. В общинах I в. руководство принадлежало странствующим проповедникам, «апостолам», создававшим новое учение и разносившим его по городам империи. Это были представители бедноты и рабов, настроенные весьма экзальтированно. Они предсказывали второе пришествие Христа, призывали к покаянию и разделу имущества.

Но когда в христианстве стали брать верх зажиточные слои, подобного рода идеология сделалась слишком опасной. С «пророчеством» начинают бороться как на организационной, так и на идейной почве. Управление общинами переходит в руки постоянных должностных лиц, выбираемых из членов данной общины и принадлежащих к ее имущей части. Это — пресвитеры (старейшины), диаконы (заведующие хозяйственной частью), епископы (надзиратели). Они берут в свои руки все дела общин и наводят в них «порядок» в интересах имущих. Уравнительная практика (разделы имущества, общественное питание) сокращается, все более и более заменяясь простой благотворительностью.

С другой стороны, подвергается обработке и христианская литература. Оттуда тщательно вытравляется вся идеология сивиллиных пророчеств с ее антисобственническими и антигосударственными тенденциями. Именно теперь вырабатывается список канонических книг. В них идеология раннего христианства почти совершенно не чувствуется. Вся «пророческая» литература попадает в число апокрифических, т. е. «подложных» книг.

В III в. процесс идет еще дальше. Революционное движе-

¹ Канату.

ние бросает в объятия новой религии все более широкие слои римского общества, вплоть до крупных собственников. Принятие ими христианства происходит легче потому, что прежняя религия рабов и бедноты потеряла свою былую оппозиционность и перешла на службу к господствующим классам. В III в. окончательно складывается общая церковная организация для всей империи. Епископы становятся во главе общин, подчиняя себе всех остальных должностных лиц. Руководящую роль в церкви начинают играть епископы крупных городов империи. Появляется церковная иерархия, построенная по монархическому принципу. В конце III и начале IV в. на высших церковных постах сидят богатые землевладельцы, купцы и ростовщики. Среди христиан мы видим крупных представителей имперской бюрократии, членов императорской семьи. Христианская церковь окончательно аристократизируется.

Но в том же III в. церковь испытала первые крупные преследования со стороны государства. Все известия о гонениях на христиан до III в., повидимому, вымышлены. Впоследствии, когда церковь была легализована, христианам было выгодно изображать себя мучениками за веру. Тогда и родились бесчисленные легенды о гонениях. В действительности гонений было гораздо меньше и они далеко не отличались той жестокостью, как это обычно изображается в церковной истории.

Но, во всяком случае, в III в. и в начале IV в. в разных местах империи имели место довольно крупные преследования христиан. Это было связано с ростом революционного движения. Христианство, конечно, никогда не было революционным течением. Наоборот, оно гасило революционную энергию масс, направляя ее по иному руслу. Оно подменяло реальную борьбу во имя земных целей иллюзорными надеждами на сверхчеловеческую помощь и загробное воздаяние. Но в раннем христианстве были, по крайней мере, кое-какие моменты, направленные против существующего строя. В III в. и эти элементы почти совершенно исчезают.

Однако римское правительство продолжало по-старому рассматривать христианство как тайную, подпольную секту. В борьбе с революционным движением оно не всегда разбиралось в действительном положении вещей и легко могло принять христиан за «бунтовщиков». Тем более, что христиане сами давали к этому повод. Так, они отказывались принести жертвы богам, поклоняться гению императора, служить в войсках. Это создавало вокруг них атмосферу подозритель-

ности. К этому нужно добавить, что церковь и многие ее представители в III в. были очень богаты. Практика конфискаций, столь распространенная в III в., могла найти здесь хорошее применение. И действительно, мы видим, что во всех гонениях III—IV вв. (при императорах Деции, Валериане, Диоклециане) целью является не столько преследование тех или других лиц, сколько конфискация их имущества.

Последними наиболее крупными гонениями были преследования христиан при императоре Диоклециане (303—304). Это была последняя попытка открытой силой сломить новую религию. Из попытки ничего не вышло, и десять лет спустя, в 313 г., император Константин миланским эдиктом легализовал христианство.

Почему же государство признало церковь?

Здесь прежде всего действовали соображения политического порядка. К IV в. христианская церковь превратилась в сильнейшую организацию, в своеобразное «государство в государстве», охватывающее почти всю империю. Она владела огромными богатствами, насчитывала в своих рядах большое количество высших чиновников, крупных земельных собственников и подавляющую массу торгово-промышленного населения городов. Она обладала мощным аппаратом управления, не уступавшим имперской бюрократии.

При таких условиях признать церковь означало для государства найти новую социальную опору. Преследования 303—304 гг. были основаны на недоразумении и объясняются только тем, что Диоклециан, главный усмиритель революции, был еще тесно связан со старыми традициями. Константин же был свободен от этих старых традиций и мог подойти к христианству более объективно и трезво.

Однако в признании христианства есть еще одна сторона, более существенная, чем непосредственные соображения политического порядка. Эту сторону дела, конечно, никто из людей IV в. не понимал сколько-нибудь ясно и отчетливо. Она видна только нам, спустя 1500 лет. В чем состояло историческое значение христианства? Почему оно победило старые языческие религии, старое античное мировоззрение? Не только потому, что христианство сумело соединить в себе разрозненные религиозные представления эпохи и таким путем попасть в тон общественному настроению; не только потому, что христианство создало удачную организационную форму общины (аналогичные организации мы находим и в других восточных религиях, например, в митраизме). Победа христианства и ее всемирно-историческое значение объяс-

няется тем, что в нем впервые выступает зародыш нового мировоззрения. Подобно тому, как колонны, по выражению Энгельса, были «предшественниками средневековых крепостных»,¹ так римское христианство явилось предком средневекового христианства. Колонат был продуктом распада латифундиального рабовладельческого хозяйства. В известном смысле он явился переходной ступенью к мелкому индивидуальному хозяйству средневекового крепостного, формы более прогрессивной, чем рабовладельческая система. Христианство также было продуктом распада языческого мировоззрения и также являлось более высокой формой. То новое, что оно несло в себе, было освобождение личности, скованной религией полса и его моралью. Пусть это освобождение носило неполный и односторонний характер, характер морального совершенствования человека, его личной связи с богом, его личной ответственности за грехи. Тем не менее в длительном историческом процессе освобождения индивидуума это был шаг вперед.

Вот почему христианство нельзя было остановить никакими преследованиями. Признание его Константином было поэтому не только разумной политической мерой, вызванной конкретной обстановкой начала IV в., но и явилось исторической необходимостью.

Константин не только легализовал новую религию миланским эдиктом, но поставил ее на первое место: фактически уже при Константине христианство становилось государственной религией. Правда, формально император держался принципа веротерпимости, провозглашенной эдиктом. Языческий культ не подвергался никаким преследованиям, языческие обряды официально совершались наряду с христианскими. Сам император, повидимому, был крещен только перед смертью, а при жизни принимал божеские почести в качестве олицетворенного Гелиоса (Солнца). Но Константин был реальным и дальновидным политиком. Он прекрасно понимал, что будущее принадлежит христианству. Он ясно видел, в какую силу превратилась маленькая секта. Непосредственный продолжатель Диоклециана, пытавшегося укрепить империю после революционных потрясений III в., Константин искал для нее идеологические базы. Новая монархия должна была быть монархией «милостью божией». Но старые боги греко-римского пантеона явно не годились для этой роли: они безна-

¹ Ф. Энгельс. „Происхождение семьи, частной собственности и государства“. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 126.

дежно устарели: абсолютную, никакими республиканскими иллюзиями не прикрытую власть единого земного бога, римского императора, должна была санкционировать такая же абсолютная власть единого небесного императора, бога христианской религии.

Вот почему Константин, официально держась только позиции веротерпимости, на деле покровительствовал христианству. Он дал христианской церкви большие льготы и принимал живейшее участие во внутрицерковной борьбе. Христианское духовенство получило освобождение от личных повинностей, ему было предоставлено право суда по церковным делам, христианские общины получили права юридических лиц (право принимать наследства, владеть имуществом, покупать и освобождать рабов и т. д.). Константин председательствовал на церковном съезде в Никее, осудившем ересь Ария, и энергично проводил в жизнь постановления съезда. Сыновей своих он воспитал в христианской вере.

Легализация христианской церкви была выгодна обеим сторонам; церкви, во всяком случае, не меньше, чем государству. Помимо непосредственных выгод легальности, признание государством давало церковным верхам оружие для внутренней борьбы.

В IV в. в церкви стало очень беспокойно. Усиление собственнических элементов, укрепление церковного аппарата, аристократизация всей идеологии христианства неизбежно должны были вызвать резкую оппозицию церковных низов. Как ни старались замазать первоначальный плебейский дух христианства, пропасть между тем, о чем учили с церковной кафедры, и тем, что видели в действительности, была слишком велика. С одной стороны, — сытый и довольный «клир», «братья» из аристократии, ростовщиков и крупных землевладельцев, с другой — те же «братья во Христе» — нищие и полуголодные массы городского и сельского плебса.

Христианство, повторяем, никогда не было и по своей природе не могло быть революционным течением. Но великий революционный кризис III в. не мог не отразиться в нем. Резкое обострение социальных противоречий, сказавшееся в империи с конца II в. н. э., проявилось и в христианстве. Там процесс в сильной степени ускорялся аристократизацией церкви, создававшей свои, внутрицерковные противоречия.

На этой почве родились так называемые ереси,¹ течения в христианстве, враждебные правившим церковным кругам и

¹ Греч. *haeresis* — секта.

господствовавшим в церкви взглядам. Они отражали, главным образом, идеологию христианских низов — рабов, колонов, городской бедноты, отчасти — настроения средней городской прослойки. В отдельных случаях в ересь проявлялась борьба за власть различных групп церковной иерархии.

Кроме гностицизма, одной из первых ересей был монтанизм (по имени «пророка» Монтана). Это было учение, выступившее в конце II в. против «обмирщения» христианства, против примирения с государством, против церковных имуществ и т. д. Монтанисты ожидали немедленного пришествия Христа и страшного суда, а поэтому отрицали земные блага и вели аскетический образ жизни. Они резко протестовали против всякого компромисса с языческим государством, к чему подчас была склонна имущая прослойка христианских общин. Это примиренчество особенно проявлялось во время гонений, когда множество христиан оторвалось от новой религии, — обычно для вида и на время. В такие моменты монтанизм особенно усиливался, объединяя в своих рядах всех непримиримых.

Так, во времена гонений при Деции и особенно при Диоклециане, монтанизм процветал в Северной Африке. Он принял там название донатизма, от имени епископа Доната, главы непримиримых. Раскол дошел до того, что в Северной Африке образовалось две церкви: донатистская и ортодоксальная (правоверная).

В некоторой связи с донатизмом стояло революционное движение североафриканских рабов и колонов, известное под названием движения агонистиков, или циркумцеллионов. Агонистиками, «борцами за правую веру», называли себя они сами; циркумцеллионами, т. е. «бродягами», называли их противники. Это движение особенно сильно развернулось в сороковых годах IV в. Агонистики в своей церковной программе выступали на защиту донатистской церкви. Что же касается их социальной практики, то она состояла в поджогах и разграблениях усадеб, в избиениях богатых землевладельцев, в освобождении рабов, колонов и должников. Движение носило настолько революционный характер, что руководство донатистской церкви отмежевалось от него. Римские войска дважды наносили поражения агонистикам, после чего движение пошло на убыль, но держалось в Африке до самого начала V века.

Самой сильной и самой опасной для церкви ересью IV в. было арианство. Его основателем был Арий, священник из Александрии. Сущность его учения состояла в том, что сын

божий сотворен богом отцом, а поэтому ниже его. Ортодоксальное же течение утверждало, что все три лица троицы единосущны, вечны и поэтому равны. Вокруг этого расхождения закипели ожесточенные споры. Под знаменем арианства скоро собрались все элементы, недовольные церковными порядками. Мало того, арианство объединило в своих рядах остатки разгромленной языческой идеологии и пыталось завоевать христианство на его же почве и его же оружием.¹ Арианство проникло к варварам, и под его флагом велась борьба против империи.

В обстановке внутренней борьбы церковным верхам была чрезвычайно важна помощь государства. Константин признал христианство не для того, чтобы безучастно смотреть на раздиравшие церковь споры. Ему была нужна церковь сильная, единая. Вот почему он принимает энергичное участие в борьбе на стороне господствующего течения. Когда в 325 г. собрался церковный съезд в Никее (Никейский собор) для обсуждения арианской ереси, император на нем председательствовал и встал на точку зрения противника Ария, александрийского епископа Афанасия. В принятом на съезде «символе веры» арианство было осуждено.

Хотя и после этого в церковной политике империи были колебания,² однако в конце IV в. ортодоксальное течение в христианстве одержало верх. Христианская церковь в союзе с государством разгромила все направления, враждебные правящим общественным кругам: земельным магнатам поздней империи, верхушке церковного клира, крупным чиновникам и высшему командному составу римской армии.

Христианство из религии угнетенных, каким оно было в I в., окончательно превратилось в религию угнетателей, освящающую всякий гнет и всякое насилие.

«Социальные принципы христианства, — говорит К. Маркс, — оправдывали античное рабство, превозносили средневековое крепостничество и умеют также, в случае нужды, защитить, хотя и с жалкой гримасой, современное угнетение пролетариата. Социальные принципы христианства проповедают необходимость существования классов — господ-

¹ В учении Ария о том, что сын божий сотворен отцом, воскресло в новой форме филоновско-гностическое представление о Логосе как посреднике между Богом и миром.

² Под конец жизни Константин сам стал склоняться к арианству, арианцем был его преемник Констанций, а при императоре Юлиане, прозванном „Отступником“ (361—363 гг.) на короткое время была даже сделана попытка вернуться к язычеству.

сивующего и порабоощаемого, — и для последнего у них найдется лишь благочестивое пожелание, чтобы первый ему благодетельствовал.

Социальные принципы христианства переносят на небо. . вознаграждение за все перенесенные на земле мерзости и тем самым оправдывают продолжение этих мерзостей на земле.

Социальные принципы христианства провозглашают все гнусности угнетателей против угнетаемых либо справедливым наказанием за первородный и другие грехи, либо испытанием, которое господь в своей премудрости ниспосылает искушенным им людям.

Социальные принципы христианства превозносят трусость, презрение к самому себе, самоунижение, подчинение, смирение, словом — все качества черни, но для пролетариата, который не желает, чтобы с ним обращались, как с отребьем человечества, для пролетариата смелость, самосознание, чувство гордости и независимости — важнее хлеба».¹

¹ К. Маркс. Коммунизм „Рейнского обозревателя“. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. V, стр. 173—174.